

ТОЛСТОЙ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Театр Толстого
●
«Воскресение»

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 0

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Т52

Комментарии Н. Фортунатова

Т52 Толстой в воспоминаниях современников : Театр Толстого. «Воскресение» : [сборник] / [коммент. Н. Фортунатова] — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 309 с. — (Серия «Воспоминания о писателях»).

ISBN 978-5-517-02778-8

В этот сборник наряду с классическими мемуарами И. А. Бунина, В. Г. Короленко, М. Горького вошли и малоизвестные воспоминания — Н. В. Давыдова, М. А. Рыбниковой, М. С. Сухотина, без которых образ Л. Н. Толстого оказался бы неполным.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-517-02778-8

© Фортунатов Н. М., комментарии, 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

«ЧТО ТАКОЕ
ИСКУССТВО...»
ТЕАТР ТОЛСТОГО

А. В. Жиркевич

Встречи с Толстым

20 декабря 1890 г.

Наконец-то я увиделся со Львом Николаевичем Толстым!

Только сегодня ночью я приехал из Ясной Поляны, где провел время с десяти часов утра до половины двенадцатого ночи. Пользуясь тем, что не все время в Ясной Поляне я был с Толстым и его семьей, я делал наедине карандашом заметки в мою дорожную записную книжку и теперь, вернувшись в Москву, по этим записям и по памяти восстанавливаю мои беседы с Толстым. Вот разговоры с ним об искусстве и литературе.

Толстой: Во всяком произведении должны быть три условия для того, чтобы оно было полезно людям: а) новизна содержания, б) форма, или, как принято у нас называть, талант, и в) серьезное, горячее отношение автора к предмету произведения¹. Первое и последнее условия необходимы, а второго может и не быть². Я не признаю таланта, а нахожу, что всякий человек, если он грамотен, при соблюдении двух других указанных мною условий может написать хорошую вещь. Я собирался вам на эту тему писать огромное письмо, но я знал, что оно разрастется в целую статью, и очень рад, что могу теперь переговорить с вами лично³. Для примера я укажу на известных наших писателей. Достоевский — богатое содержание, серьезное отношение к делу и дурная форма. Тургенев — прекрасная форма, никакого дельного содержания и несерьезное отношение к делу. Некрасов — красивая форма, фальшивое содержание, несерьезное отношение к предмету, и т. д.

Современная литература вся основана на прекрасной форме и на отсутствии новизны в сюжете. Прочтите Евгения Маркова, Максима Белинского⁴, Антона Чехова и др. Форма доведена до совершенства. А кому какую пользу принесет все их писанье!.. Они все выработали путем навыка известный слог, набили, так сказать, перо — и им пишется легко. Но где же то *новое*, что должно двигать общество, указывать ему на его недостатки, открывать ему глаза на новое явление духовного мира, на новый путь нравственного усовершенствования? Этого нового у них нет! Все наши современные писатели описывают очень интересно и по большей части цинично любовь, женщин, разные случаи жизни... Но где *идея* в их произведениях? Прочтешь их и спрашиваешь: «Зачем человек писал все это, тратил время, работал? Ответ готов: или для славы, или для материальной выгоды. И то и другое ужасно и гадко. Живое слово есть средство, с которым обращаться, как с вещью, нельзя. Не верьте поэтам, когда они станут говорить вам, что пишут ради «искусства для искусства». Нет! Или корысть, или желание, чтобы о них говорили, ими двигают. Я сам писал много, и если говорю вам это, то потому, что сам я грешил прежде желанием, чтобы обо мне говорили. На мой взгляд, разные юбилеи так называемых «маститых поэтов» — позор для русского имени. Например, известный вам *Фет*. Человек пятьдесят лет писал только капитальные глупости, никому не нужные, а его юбилей был чем-то похожим на вакханалию⁵: все старались его уверить, что он пятьдесят лет делал что-то очень нужное, хорошее... И он сам в это верит. В этом-то весь комизм таких юбилеев.

Я: Но стихотворения Фета доставляют удовольствие, отвлекают человека от мрачной обстановки современной действительности...

Толстой (гневно перебивая меня): Это и худо! Во-первых, ничто не должно отвлекать человека от жизни. Он должен жить, и жить осмысленно. Во-вторых, кого надолго отвлекут стихи? Я, конечно, говорю про душевно нормального человека. Да! стихами можно принести удовольствие и стать забавой для толпы, вроде какого-нибудь паяца, фокусника, гипнотизатора. Но не унизительно ли кривляться для толпы, кувыркаться перед нею на умственной трапедии?

Я: Отчего же, Лев Николаевич, падает наша литература?

Толстой: Конечно, первая причина — цензурные условия. Цензура вычеркивает у нас все то, что ярко, что ново, что движет мысль, и оставляет одно бесцветное, ненужное. Пока цензура занята таким непохвальным делом — не стоит писать. Я это как-то говорил и Короленко и Златовратскому (они были вместе у меня ⁶). Те, конечно, на меня обиделись. Имеет сейчас успех брошюрка, рукопись. Но если у вас нет имени, вас и читать не станут.

Я: Но наша критика...

Толстой (опять с пылом перебивая меня): У нас не критика, а безобразие! Все критики преклоняются перед красивой формой и перед всяким содержанием, лишь бы оно было *ново*. Но новизну надо понимать в связи с пользой. Я иначе этого и не признаю⁷. Содержание же, как я вам уже писал, должно быть такое, чтобы писатель вел за собою толпу. То есть я вижу, положим, зло, страдаю от него, переживаю его и вот создаю вещь, где указываю на это зло, которого большинство, кроме меня, не видит. Вот это и есть то, что нужно⁸. Обратите внимание на плодовитость наших молодых писателей. Эта легкость писанья прямо указывает на умственный разврат, на отсутствие серьезного отношения к делу.

Разве темы, посредством которых я могу раскрыть глаза обществу, встречаются так часто? Разве человек может так часто переживать вновь открытое им и неизвестное еще миру содержание события, жизни т. д.? И критика наша — умственный разврат: она поощряет эту легкость писанья, эту простицию мысли, слова и чуть не носит на руках какого-нибудь Фета, Полонского. В этом саморазвращении критики опять-таки играют роль два двигателя: корысть или жажда популярности — поверьте моему опыту. Какой-нибудь Евгений Марков пишет для гонорара, какой-нибудь Скабичевский хвалит его, пишет о нем статьи для гонорара же — благо платят в газетах и журналах за всякое исписывание бумаги. Следовательно, вот и вторая причина упадка литературы: наша критика. Идет мужик — опишут мужика, лежит свинья — ее опишут, и т. д. Но разве это искусство? А где же *одухотворяющая мысль*, делающая бессмертными истинно великие произ-

ведения человеческого ума и сердца, — хотя бы Евангелие? И как легко дается это писание «с натуры»! Набил себе руку — и валяй! Так и многие наши поэты. Ну, например, хоть ваши «Картинки детства»!⁹ Кому нужны ваши типы? Что вы ими сказали нового, кого двинули на доброе?

Я: Но, Лев Николаевич, у каждого бывает своя молодость. Ведь и вы написали «Метель», «Детство и отрочество». Отчего же вы не признаете за каждым права молодости?

Толстой: Кто вам это сказал? Я всегда любил, уважал и понимал молодежь и снисходительно отношусь к молодости. Но есть же ведь для чего-нибудь на свете опыт, так называемый исторический опыт. Ведь прошлые поколения передают нам нравственное и умственное наследство для того, чтобы мы им пользовались с толком, чтобы двинулись дальше, и именно с той, последней, ступеньки, которую они нам прочно укрепили. А вы считаете нужным, чтобы всякий человек начинал свой духовный подъем непременно с самого подножия горы, а не с последней проложенной его предками ступеньки. Тогда и прогресс был бы немыслим. Напротив того, вы видели недостатки молодости ваших предков, и они вам в этом отношении оставили хорошее наследство. Воспользуйтесь же им и не повторяйте их ошибок. Я вполне понимаю молодость. Но обществу-то что за дело до *вашей* молодости, до *ваших* увлечений и ошибок! Впрочем, вся наша так называемая «классическая литература» может быть названа молодостью. Пушкин, Лермонтов, Гоголь — все это умерло, как назло, в ту минуту, когда талант их креп, когда они могли подарить миру действительно капитальные, поразительные вещи...¹⁰ И что это была за гениальная молодость! Но Гоголь, например, погиб как раз в ту минуту, когда стал осознавать, что шел по ложному пути «искусства для искусства», и написал свою «Исповедь», которая указывает на иное обращение его к жизни¹¹. Пушкин стал уже переходить к прозе и, наверное, бросил бы стихи, если бы не умер.

Я: Но отчего же большинство наших лучших прозаиков начинают стихами?

Толстой: А в этом и сказывалась их молодость. Но нам смешно писать стихами только во имя молодости, оправдываясь увлечением молодости, в то время как мы уже созрели на-